

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93/94(47)

doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.226-240

**ТРУДНОСТИ СОВЕТСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ
И СОЗДАНИЯ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОРОДА»
НА МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ПЕРИФЕРИИ:
КАЗАНЬ 20-х ГОДОВ XX ВЕКА**

Т.М. Бон¹, С.Ю. Малышева², А.А. Сальникова²

¹*Гиссенский университет им. Юстуса Либиха, г. Гиссен, D-35394, Германия*

²*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия*

Аннотация

В статье на примере Казани 20-х годов XX в. показаны трудности реализации советской политики урбанизации и создания «социалистического города» в городах с национально и конфессионально неоднородным населением. Эта политика и связанные с ней процессы миграции из села в город, «коренизации», «квартирного передела» и развития городских окраин за счет прежнего «буржуазного» центра сознательно и целенаправленно разрушали сложившуюся и доминировавшую здесь прежде городскую культуру, изменяли социальный и национальный состав городского населения и потому могут рассматриваться как инструменты «позитивной дискриминации». Однако практика предоставления преференций ранее дискриминируемым слоям оказалась кратковременной, заточенной на задачи скорейшего и немедленного укрепления социальной базы советской власти, призванной в то же время выполнить деструктивную по отношению к прежним обществу и культуре функцию. Указанные практики обращения с мультикультурностью редуцируются к концу 20-х – началу 30-х годов, по мере стабилизации власти большевиков и нарастания «государственнических» и унификаторских тенденций во властной политике.

Ключевые слова: урбанизация, мультикультурность, «социалистический город», «коренизация», национальная политика, Казань, Советская Россия, 20-е годы XX века

Введение

Идея «советской урбанизации» и городские реалии

Двадцатые годы прошлого века часто предстают в историографии как «золотые двадцатые» – время относительного плюрализма и демократии в политической, экономической и культурной жизни Советской страны, когда сам воздух был напитан множеством возможностей развития (в большинстве своем нереализованных), когда рассматривались в качестве вполне реальных самые смелые и даже фантастические проекты переустройства жизни, когда в партийных кругах еще были возможны дискуссии и различные точки зрения. Представляется, что этот этап «демократии и плюрализма» в истории постреволюционного, обретшего власть большевизма был неслучаен. Несмотря на то что демократизм и плюрализм не были его сущностными характеристиками, данный этап явился

важной вехой на пути к унификации всех жизненных начал и насаждению единомыслия. Он был необходим, поскольку выполнял важную деструктивную роль по отношению к прежнему дореволюционному обществу, его основам, базисным элементам идеологии.

Эти деструктивные тенденции, как ни странно, довольно зримо просматривались в сравнительно либеральной национально-конфессиональной политике 20-х годов XX в., в позиции большевиков по отношению к культурному разнообразию страны. Создание новой унифицирующей идентичности («советскости») требовало разрушения/переозначивания прежней идентичности, ее скреп, доминирующих элементов («русскость», чувство «государственности»), разложения былого единства на «разнообразия», укрепления этих «разнообразий» (даже конструирования их при необходимости). Формула «Кто был никем – тот станет всем», в сущности, весьма точно выражала эту политику «разделения», метко названную Терри Мартином «позитивной дискриминацией» (“affirmative action”) [1].

Город, особенно мультикультурный, многонациональный и мультиконфессиональный, стал наиболее интересным и показательным полем, на котором разворачивалась эта политика, поскольку деструктивная черта «позитивной дискриминации» проявлялась не только в национальной политике «коренизации», провозглашенной XII съездом РКП(б) в 1923 г. (Двенадцатый, с. 642–650), но и в политике урбанизации: в советском варианте – в построении «социалистического города».

Советская концепция «социалистического города» не просто подразумевала амбициозный проект развития альтернативной западным метрополиям модели, но была честолюбивой попыткой преодолеть социально-экономическую отсталость городских центров имперской России. Занимавшиеся советским планированием столкнулись с такими исходными условиями, каких не было в «капиталистических» европейских городах [2]. Одним из этих условий было разнообразие типов российских городов, интегрировавшее в ходе четырехсотлетней экспансии России/СССР с середины XVI в. до Второй мировой войны черты разных культур. На пространствах бывшей империи существовали и город, выросший вокруг крепости («кремлевский» тип); и город – царская резиденция, властный центр XVII – XVIII вв.; и тип расположенного в степной области, на Северном Кавказе, в Казахстане и на пространствах Сибири и Дальнего Востока «русского колониального города» XVII – XVIII вв.; и выкованный ганзейскими традициями и шведским господством тип «центральноевропейского балтийского города»; и тип «центрально- и восточноевропейского барочного города», испытавшего польско-литовское и австрийско-габсбургское влияние; и таящий в себе элементы христианской и исламской традиций тип «кавказского города»; а также распространенный от Каспийского моря до Средней Азии, а в отдельных своих чертах – и в Поволжье, тип «исламского восточного города» (который частично, со многими оговорками, может быть приложим к Казани) [3, S. 218]. Советским планировщикам предстояло преодолеть это разнообразие, приспособить его к проекту «социалистический город».

Советская урбанизация и построение «социалистического города» сталкивались и с иными трудностями. Так, лозунг большевиков описывал советскую альтернативу западной урбанизации как преодоление «противоречий между городом

и деревней», не вполне очевидных, однако, в царской России. Ведь вплоть до Первой мировой войны свыше 80% населения Российской империи проживало в деревне, а запущенная бурным городским ростом в последней трети XIX в. «урбанистическая революция» ограничивалась в значительной степени административными и индустриальными центрами [4]. К тому же процесс роста городов не был непосредственно связан со строительством фабрик и промысловых предприятий. А большая часть городского населения – по причинам миграций из села и отходничества – относилась к сословию крестьянства. Поскольку инвестиции в городское строительство, как правило, ограничивались центром города, а на периферии преобладали деревянные строения без какой-либо инфраструктуры, даже крупные города отличал дуализм городского и сельского жизненных укладов (см. [4–6]).

Советский вариант урбанизации, предусматривавший строительство промышленных предприятий и приток рабочей силы, во многом означал и «позитивную дискриминацию» городской культуры и групп ее носителей, всего уклада жизни «автохтонного» горожанина. Чего стоило только заявленное в Программе партии 1919 г. «массовое переселение рабочих из слобод в дома буржуазии», то есть «квартирный передел» (Прот., с. 398). Проводившиеся в его рамках выселение «бывших» из городского центра или перевод их на положение «угловых жильцов» и вселение в их квартиры рабочих с окраин способствовали переструктурированию в 20-х годах XX в. городского общества в направлении «позитивной дискриминации» «бывших» в пользу новых «гегемонов» [7, с. 11–30]. Создание в квартирах, прежде принадлежавших дворянам и буржуазии, коммуналок как основных форм общежития фактически означало разрушение форм городского индивидуального быта и насаждение быта коллективного, близкого к сельскому, общинному. Жилое пространство центра, соответственно, также приспособлялось под эти дискриминационные нужды: разрушались прекрасные интерьеры, воплощавшие представления городских высших и средних классов о красоте и современных удобствах, взамен привносились элементы непритязательного быта низших слоев, отражавшие их представления об удобстве и целесообразности.

Следуя лозунгу «стирания противоречий», советские планировщики выдвигали проекты дискриминации городских центров – за счет развития рабочих окраин, а также более глобальные проекты дискриминации города как такового. В 1922–1923 гг. архитектурные дискуссии сконцентрировались вокруг утопического концепта «города-сада», впервые предложенного в 1898 г. британским социологом Эбенизером Говардом (см. [8–11] и др.). С утверждением первого пятилетнего плана (1928–1932), предусматривавшего проведение форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, революционный порыв авангарда обретает обширное пространство для трансляции социальных утопий и выливается в дебаты между так называемыми урбанистами, приверженцами компактного способа застройки (ограничение роста городов и их децентрализация), и так называемыми дезурбанистами, сторонниками линейного способа застройки («растворение» городов и механизация сельской местности). Дебаты, ведшиеся между обеими группами о населенном 80 000–100 000 жителей «соцгороде» («социалистическом городе»), вращались вокруг домов-коммун или жилых комбинатов (форма коллективного общежития) и рабочих клубов или столовых (обобществленные формы жизни), то есть вокруг проектов устройства жизни, предусматри-

вавших разрушение прежнего индивидуализированного быта и семьи с последующим насаждением более или менее обобществленных форм быта и реформированием системы семейных отношений (см. [12; 13] и др.).

«Позитивная дискриминация» 20-х годов XX в. означала и создание преференций для потоков мигрантов – прежде всего, разумеется, из села. А поскольку в мультикультурном городе значительная часть мигрантов нередко принадлежала не просто к негородской культуре, но к отличной от городского большинства национально-конфессиональной традиции, то процессы «коренизации» и «урбанизации» переплетались, взаимно определяя друг друга и усугубляя градус «позитивной дискриминации».

Настоящая статья посвящена рассмотрению того, как на советской периферии в 20-е годы XX в. продвигался один из возможных вариантов социального и культурно-исторического эксперимента построения «социалистического города» по превращению бывшей «русской» губернской Казани в «татарскую» метрополию.

От губернской «русской» Казани – к «татарской столице»

К началу изучаемого периода Казань, безусловно, являла собой образец мультикультурного российского города. Мультикультурность Казани выковывалась в первую очередь историческим прошлым: политикой колонизации и управления регионом, практикой сосуществования различных народов и религий, процессами урбанизации и индустриализации со второй половины XIX в. и их следствием – мощными миграционными процессами, прежде всего миграцией из села, в результате которой представители крестьянского сословия составляли более половины жителей города.

Население Казани было пестрым в национально-конфессиональном отношении. Согласно переписи 1897 г., 71.1% составляли русские (большинство – православные), 21.9% – татары (большинство – мусульмане), 1.2% – поляки, 1% – евреи, 0.8% – немцы. Кроме того, в городе проживали представители не менее полутора десятков других национальностей; численность каждой из них не превышала 0.5%. (Перепись 1897, с. 104–135). Традиционно довольно пестр был и конфессиональный состав населения. В переписи 1897 г. мы видим преимущественное распределение долей между православными (72.5%) и мусульманами (21.8%). Однако конфессиональный состав не совпадал полностью с национальным, что рождало дополнительное разнообразие культур. Так, среди русского населения были не только православное большинство (99.58%), но и иудеи (0.18%), протестанты (0.14%), католики (0.09%), караимы (0.01%). Значительным было число старообрядцев. Среди татар, помимо мусульманского большинства (98.8%), имелись православные (319 чел. – 1.1%), караимы (10 чел. – 0.04%), католики (2 чел. – 0.007%). (Перепись 1897, с. 104–135). Кстати, именно конфессиональная, а не национальная идентичность жителей служила основанием для их ранжирования и создания преференций либо ограничений прав в Российской империи. Национальное же разнообразие скорее выступало в качестве иллюстрации тезиса об огромности и этнографическом многообразии империи наряду с разнообразием ландшафтным.

Не только наличие значительного мусульманского компонента, но и само расположение Казани в центре многонационального региона на своеобразной «мен-

тальной границе» между российскими «Западом» и «Востоком», «Европой» и «Азией» обусловило смешанную географическую идентичность города. Казань позиционировалась как последний западный или первый восточный город на Сибирском тракте. Столь же смешанной была идентичность Казани и в отношении провинциальности и столичности: выступая в качестве провинциального города перед лицом российских столиц, для более мелких провинциальных городов, в том числе уездных, она воплощала собой качества и стандарты столичного города.

В 1920 г. Казань становится столицей Татарской автономной советской социалистической республики. Годы революции и Гражданской войны, сопровождавшиеся увеличением смертности, оттоком горожан в деревню, уходом значительной части населения с войсками Народной армии Комитета членов Учредительного собрания не прошли бесследно: если к 1917 г. население города составляло 185 тыс. чел., то к 1920 г. оно уменьшилось до 146 256 чел. и только к 1926 г. достигло предреволюционных значений – 179 023 чел. Национальный состав отличала традиционная пестрота: в Казани в 20-е годы проживало более 50 национальностей. Наибольшая доля по-прежнему приходилась на две самые крупные группы населения – русских (в 1920 и 1926 гг. соответственно 73.95%, и 70.4%) и татар (19.43%, и 24.5%) (Нас.Каз., с. 33, 73; Перепись 1926), взаимоотношения между которыми, с одной стороны, создавали своеобразный шаблон межнациональных отношений, а с другой – являли эксклюзивную модель, не распространяемую на другие нации.

После революции 1917 г., Гражданской войны 1918–1920 гг. и образования Татарской республики мультикультурность обретает новые акценты, связанные с национальной и социальной политикой советской власти.

Предпосылкой своеобразного периода либерализма в национальной политике большевиков 20-х годов и формирования варианта «советского мультикультурализма» являлась прежде всего прагматическая необходимость закрепиться у власти. Для этого необходимо было заручиться поддержкой широких нерусских слоев населения и их национальных элит, даже невзирая на недовольство национального большинства страны. Упомянутая политика «позитивной дискриминации» и «коренизации» сделала возможными существование в Казани и республике в 1921–1923 гг. «самого национального» правительства Кашафа Мухтарова и организацию мероприятий по созданию режима благоприятствования развитию татарской культуры [14, с. 74–75]. Большевикам предстояло решить сложную двуединую задачу, от которой во многом зависела судьба их власти: объединить страну наднациональной идеологией коммунизма и идеями интернационализма, выдвигавшими на первый план классовые интересы, и в то же время удовлетворить не только культурные и социально-экономические, но и политические потребности и притязания наций и национальных элит. Имевшие место в большевистском руководстве надежды на скорую мировую революцию и соответствующую всеобщую «интернационализацию» значительно облегчали этот компромисс между интернационализмом и поддержкой национальных различий. Трудная задача гармонизации этих противоречивых устремлений решалась уже в 20-е годы хитрыми спасительными формулами «советского мультикультурализма» о культурах «национальных по форме и социалистических по содержанию», а позже – оформлением и реализацией государственного проекта «советский народ».

В 20-е годы советская власть делала первые шаги в этом направлении, и Казань являла собой один из первых полигонов, на котором отрабатывались будущие решения и конструировались практики обращения с мультикультурностью и одновременно – практики обращения с городским пространством. Они нашли отражение в том числе в попытках реорганизации и в новом маркировании городского пространства, в «праздничной» политике и специфических локально-региональных идеологемах, таких как идея о роли Татарской республики в «освобождении Востока», в опытах самопрезентации нации и ее «жизненного мира» в школьном букваре.

Уже с начала 20-х годов усилия большевиков были направлены на социальную гомогенизацию городского пространства, где все еще сохранялось условное разделение на элитарные аристократические и мещанско-торговые районы, а также пригородные заречные рабочие слободы. Однако провозглашенный принцип равенства означал уравнивание всех частей города не столько путем улучшения инфраструктуры и качества жизни в непрестижных и бедных частях, сколько путем депривации прежних привилегированных частей. Этой задаче служило выселение побежденных классов и переселение рабочих с окраин в дома городского центра, превращение квартир в коммунальные общежития, заселение домов в центре города по ведомственному принципу (служащими тех или иных учреждений и отраслей), «присвоение» публичных зданий для нужд коммунистических и рабочих организаций. Крайний вариант этой депривации – неосуществленные (ввиду отсутствия средств) проекты 1924–1926 и 1933–1934 гг. по перенесению центра города на противоположный берег Казанки и превращению старого центра в периферию [15, с. 156–158].

Побочным продуктом классового принципа реорганизации городского пространства стало разрушение привязки места жительства к национальному, в частности татарскому району, хотя следует в этой связи отметить, что социально-классовая и профессиональная дифференциация, обусловленная торгово-промышленным развитием с конца XIX в., уже к началу советского периода способствовала разрушению этой привязки. Так, в 1920 г. только 16.7% татарского населения проживало в Ново-Татарской слободе, 60.7% жили в других частях города, а 22.6% – в заречных рабочих слободах (Нас.Каз., с. 36–37). Однако разрушение привязки к национальному району не означало отказ от преимущественно сельского уклада, процветавшего в слободах и способствовавшего рурализации городской жизни. И миграционные потоки из села только укрепляли эти тенденции.

С другой стороны, попытки выравнивания пространства вылились в усилия по его равномерному, гомогенизирующему маркированию. Так, в исполнение Декрета ЦИК и СНК ТАССР «О реализации татарского языка в пределах Татарской республики» (25 июня 1921 г.) в 1923 г. на дома города были прикреплены таблички с названием улиц на двух языках – русском и татарском, что воспринималось не как символический, но реальный социально-политический акт «с целью установления равноправия татарского и русского языков» (ГАРТ1, д. 259, л. 40 об.). Некоторые переименования (например, улицы Евангелистовской в улицу Татарской республики, ныне улица Татарстан) позиционировались как составная часть общей борьбы, которая ведется «с целью устранения следов миссионерства»

(ГАРТ1, д. 259, л. 80 об.). Той же самой цели демонстрации равноправия служил перенос центра празднований годовщин образования Татарской республики в татарскую часть города, а в 1924 г. – даже к храму-памятнику павшим при взятии Казани в 1552 г. на реке Казанке (ГАРТ1, д. 372, л. 14, 22 об., 30–30 об). Инспирированное при этом решение о демонтаже, а позже о перепрофилировании памятника XIX в. также позиционировалось как разрыв советской республики с колонизаторской политикой угнетения татарского народа. Подчеркивалось, что этот «Памятник победы над татарами» должен стать «Памятником дружбы народов». Гомогенизирующее воздействие на городское пространство должны были оказать и наличие в 20-е годы не одного, а нескольких праздничных центров в разных, в том числе татарских частях города, а также равномерное декорирование всех городских площадей и повсеместное установление советских памятников и триумфальных арок.

Однако советские власти при этом сохраняли и даже подчеркивали специфические маркеры, обозначающие национальные различия районов. Так, в татарских частях города устанавливались памятники татарским революционерам (М. Вахитову), при переименовании площади получали имена татарских революционных деятелей и деятелей культуры (М. Вахитова, Г. Тукая), а триумфальные арки, помимо традиционных советских символов, украшались национальными символами, например буквами нового, введенного в 1927 г. татарского алфавита на основе латинской графики [7, с. 34–35]. Старательно пестовалось национальное разнообразие и в организационном отношении. Так, среди более чем трех десятков казанских рабочих, солдатских и прочих клубов начала 20-х годов был целый ряд национальных: Чувашский клуб (театр «Амбир» на ул. Б. Казанской), Еврейский клуб (клуб К. Маркса на улице Проломной), Клуб кряшен (на Арском поле)¹.

Двуединая формула «национальных по форме, социалистических по содержанию» культур обусловила и такие разные профили советских торжеств, как, с одной стороны, «интернациональные вечера», или «вечера национальностей», с концертными номерами и выступлениями на разных языках (ГАРТ1, д. 9, л. 25, 101 об.; д. 156, л. 50; д. 258, л. 76 об.; ГАРТ2, д. 356, л. 82, 83), а с другой – проведение празднований «по нациям»: представители разных народов собирались в разных помещениях и проводили торжественные вечера на своих национальных языках. Так, в 1921 г. в День республики спектакли и концерты проводились отдельно в Еврейском клубе, на Юнусовской площади в татарской части города, в Чувашском клубе. 20-е годы XX в. стали временем национально-конфессионального плюрализма и в праздничном календаре: наряду с советскими государственными, официальными праздничными днями в Татарской республике существовали православные и мусульманские праздники – каждый трудовой коллектив, в зависимости от его национального состава, выбирал, какие праздники он будет отмечать. Точно так же выбирался и день еженедельного отдыха – воскресенье или пятница. Демонстрация национального разнообразия и равноправия являлась важной составляющей «освобожденческого» советского дискурса.

Мультикультурная Татарская республика представала в этом дискурсе в качестве образца и возможной модели эмансипации («светоч», «красный маяк»,

¹ Известия ТатЦИК, обкома РКП(б) и Казанского Совета. 1921. 6 нояб.

по терминологии тех лет) именно для восточных, мусульманских народов как российских окраин, так и зарубежья. Локально-региональная идеологема «красного маяка», которая постоянно проговаривалась, являлась попыткой адаптировать идею интернационализма для всех «угнетенных народов Востока». При этом во многом эксплуатировалась значительная конфессиональная однородность восточных народов: традиционная культурная консолидация по конфессиональному признаку представлялась в качестве своеобразного варианта «малого интернационализма». Татарская республика со значительным количеством мусульманского населения и наработанным опытом его интеграции как в светскую культуру, так и в новые советские реалии виделась удобной буферной ступенью советской аккультурации «отсталых» восточных народов на их пути к «настоящему», «большому» интернационализму и советской идентичности.

Весьма характерно «позитивная дискриминация» прежде доминировавшей городской русской культуры в пользу развивающейся татарской, преимущественно в ее сельском варианте, проявилась и в сфере образования, а именно в содержании и оформлении советского татарского букваря (алифбы) 20-х годов. Этот букварь, как никакой другой, ярко демонстрировал соединение тенденций «урбанизации» и «коренизации» городской культуры. Принципиальные изменения в идеологическом наполнении татарских букварей пришлось на середину 20-х годов XX в. Вместе с темой «новой советской Родины» в татарский букварь пришла советская символика: портреты В.И. Ленина, красные флаги с надписями «СССР», «РСФСР», «ТАССР», красная звезда, красноармейцы, пионеры, серп и молот.

Показательно то, что сигнификация советского была совмещена с сигнификацией национального, репрезентируемого исключительно через сельский дискурс, подчинена ему, а подчас и растворена в нем. Причем это касалось букварей, не только специально ориентированных на сельских школьников (как букварь И. Алексеева и Г. Шарафа «Яңа авыл» («Новая деревня») (Алиф26)), но и рассчитанных на городскую категорию учащихся. Так, текст «Хозяин страны Советов» из букваря Ф. Агеева и Г. Ибрагимова «Кызыл йолдыз» («Красная звезда») должен был помочь детям разобраться в структуре организации советской власти – от низшего звена до высшего – именно на примере деревни: «Хозяин села – сельский совет. Членов сельсовета избирает народ. Хозяин волости – волостной совет. Его избирают представители сел. Собрание представителей называется съездом»² (Алиф24, б. 78). Рассказывая о новых советских праздниках, в частности о «празднике революции» – дне 7 ноября (дети маршируют с развернутыми знаменами, скандируют лозунги «Октябрят – смена пионеров!», «Будь готов!»), букварь «Совет мәктәбе» («Советская школа») предлагал затем конкретное задание: «Проверьте, как в вашей деревне прошло празднование Октября» (Алиф27, б. 56, 61).

Новые советские сюжеты перемежались в советских татарских букварях середины 20-х годов с сюжетами, эстетизировавшими и идеализировавшими патриархальную сельскую жизнь. Одежда детей и взрослых, предметы быта, повседневные занятия мужчин и женщин, игры детей наглядно и достоверно воспроизводили не столько советский, сколько дореволюционный уклад татарской

² Здесь и далее перевод на русский язык Д.М. Галиуллиной. – Т.Б., С.М., А.С.

деревни. Вот на рисунке из букваря «Кызыл йолдыз» две женщины несут воду из колодца, при этом оживленно беседуя. На них традиционная национальная одежда: длинные платья с крупным рисунком, приталенные бешметы, на головах поверх калфаков у одной платок, у другой шаль; правда, на ногах у обеих – лапти (Алиф24, б. 15). Образ матери, работающей на производстве, в этих букварях полностью отсутствовал. Женщина изображалась за традиционно женскими домашними делами или на сельскохозяйственных работах: она варит суп, ставит тесто, ходит за водой, стирает, вышивает, смотрит за детьми или жнет и молотит на току наравне с мужчинами (Алиф24, б. 3, 13, 15, 19, 43, 44; Алиф27, б. 27, 90). В отличие от русских советских букварей того периода, помещавших на своих страницах в соответствии с новыми гендерными установками изображения неполной семьи – мать и детей/ребенка, в татарских букварях обычно изображалась полная семья, состоявшая из представителей нескольких поколений: детей, родителей, бабушек, дедушек (Алиф24, б. 15; Алиф27, б. 28). Дошкольное воспитание представлялось как полностью домашнее – упоминаний о детских садах и яслях не встречалось.

Признаки городской культуры были в этих учебниках едва обозначены. Например, букварь «Кызыл йолдыз» открывал рисунок, изображавший досуг молодой татарской семьи. Глава ее – мужчина, одетый в национальную одежду, в интерьере деревенского дома, сидя на табурете, читает газету, что в принципе можно считать формой городской досуговой культуры (Алиф24, б. 3). К символам городского пространства можно отнести изображенные в букварях заводы и фабрики (Алиф24, б. 13, 19, 28, 29, 42, 43, 47). Вещными маркерами городской культуры детства, совершенно не характерными для крестьянской повседневности, являются специальный детский стульчик, на котором сидит ребенок, и погремушка в его руках (Алиф27, б. 7).

Таким образом, традиционные патриархальные ценности занимали в татарских букварях середины 20-х годов достаточно много места, что, вероятно, объяснялось стремлением к сохранению и акцентированию национальной специфики этих изданий в ситуации «коренизации» и «позитивной дискриминации». «Национальное» пока еще однозначно и безусловно доминировало здесь над «советским», а «сельское» над «городским». Учитывая по преимуществу сохранявшийся в то время сельский уклад жизни большей части татарского городского населения Казани, эти буквари целиком и полностью соответствовали главному для такого рода изданий принципу узнаваемости, принадлежности, «близости» (“belonging”) [16, р. 12–27].

К концу 20-х годов, а еще более – к началу 30-х годов XX в., со стабилизацией советской власти, с фактическим снятием с повестки дня мировой революции и обращением советской политики «вовнутрь», с формированием советского «государственничества» практики обращения с мультикультурностью значительно редуцируются. Необходимость заигрывания с национальными элитами отпадает, свобода их действий все более ограничивается, а вскоре значительная часть их представителей падут жертвами политических репрессий 30-х годов. Приметы либерализма в национальном вопросе постепенно исчезают, нарастают процессы унификации: заканчивается «праздничная демократия», религиозные праздники к началу 30-х годов исчезают из советского календаря, значительно

сокращаются визуальные элементы, подчеркивавшие национальную специфику в городском ландшафте (так, по свидетельству современников, уже в 1927 г. в октябрьском убранстве Казани на плакатах практически полностью отсутствовали надписи на татарском языке и в них ничего не говорилось о Татарской республике (ГАРТ2, д. 357, л. 33 об.)), татарский алфавит переводится на кириллицу, что стало, по существу, признаком нарастания своеобразной «колонизации» со стороны совсем недавно депривированной русской культуры. «Игра мультикультурных идентичностей», попытка учитывать живое и изменяющееся культурное многообразие населения трансформируется и кристаллизуется в этнические стереотипы, во многом декларативные и декоративные. Этничность становится средством принудительного причисления, удобным для бюрократического управления и классификации населения.

Заключение

От «национальных столиц» – к типичному «социалистическому городу»

Изменение принципов построения советской внутренней и внешней политики к началу 30-х годов XX в. с «революционаристских» на «государственнические», связанное как с утратой надежд на скорую мировую революцию, так и с укреплением власти и влияния большевистской партии, внесло значительные коррективы и в политику в сфере городского проектирования и строительства, и в отношении большевиков к «культурному разнообразию» страны.

Проекты «социалистического города» были значительно скорректированы концептуально. К началу 30-х годов выкристаллизовывается картина городского строительства, которая характеризовалась, с одной стороны, ограничением роста города, а с другой – отступлением от тренда современной архитектуры, нашедшей отражение в конструктивизме. Немногочисленные в провинции образчики этого стиля уступают засилью неоклассицизма и монументализма. Поскольку при сталинизме произошел отказ от утопических проектов жизни, «социалистический город» в концептуальном отношении пережил метаморфозу, после которой решающую роль играло больше не содержание (то есть не человек или организация его повседневной жизни), а форма (то есть производство или улучшение инфраструктуры). Авангардистские архитектурно-строительные порывы и проекты видоизменения городов были свернуты. Важной приметой изменения в политике урбанизации стала резолюция Центрального комитета большевиков от 15 июня 1931 г. «О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства в СССР», которой в политическую повестку дня были поставлены проблемы «реконструкции» или санирования имеющихся городов и создание новых промышленных центров или плановое сооружение «социалистических городов» (Рез.Докл.).

В Генеральном плане реконструкции Москвы 1935 г. речь шла только о проекте санирования исторически разросшегося города, чье уникальное политическое значение должно было быть подчеркнуто его архитектурным обликом, но не об универсальной и могущей быть внедренной инструкции городского планирования. Существенным структурным элементом должны были являться ориентированные на промышленные предприятия магистрали, которые не только оттягивали на себя внутригородской транспорт, но и служили в качестве парадных улиц для проведения демонстраций. Фасады домов, которым должна

была быть придана функция своеобразных кулис, преображались в роскошном представительском стиле. Сердцем города была центральная площадь, которая представляла собой архитектурную эклектику зданий партийных и массовых организаций и зданий культурного назначения, а также служила местом проведения демонстраций. Наряду с респектабельными жилыми кварталами и солидными учреждениями социального и прочего назначения наличествовал также Парк культуры и отдыха. Москва задавала тон городскому строительству и развитию инфраструктуры других городов страны (вспомним хотя бы о множившихся по всей стране довольно стандартных Парках культуры и отдыха), но в то же время должна была являть подчеркнутую уникальность (Генплан).

Создание агломераций, подобных столице СССР, сознательно ограничивалось. Для регулирования перемещения населения политическое руководство использовало два механизма: паспортную систему и децентрализованное размещение предприятий. Чтобы уменьшить привлекательность крупных центров и ограничить разрастание этих агломераций, уже резолюция ЦК партии большевиков от 15 июня 1931 г. о развитии городского хозяйства в Советском Союзе предусматривала лимитирование промышленных предприятий в больших городах (Рез.Докл.). На фоне бегства из села, которое стало результатом начатой в 1929 г. насильственной коллективизации и связанных с ней репрессий против так называемых кулаков, Постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 27 декабря 1932 г. о введении паспортной системы³ и от 28 апреля 1933 г. о выдаче внутренних паспортов⁴ имели первостепенную цель – закрыть города для «классовых врагов». Под ними подразумевались лица буржуазного происхождения, уже лишённые избирательных прав («лишенцы»), и прочие «лишние элементы» вроде бродяг и духовенства. Паспортизация распространялась на достигших 16 лет жителей городов, рабочих поселков, районных центров, окрестностей Москвы, Ленинграда, Киева и Харькова и пограничных областей СССР, а также на занятых на паромном и железнодорожном транспорте, работников машинно-тракторных станций, но не на сельское население. Таким образом, институт прописки ставил заслон фактически поощрявшейся в 20-е годы миграции из села. Однако в мультикультурных городах, бывших объектами политики «коренизации», в том числе в Казани, паспортизация означала отчасти и ограничения для представителей «коренизовавшихся» в 20-е годы наций.

Значительные коррективы были внесены и в сферу национально-конфессиональной политики. Жесткая секуляризация конца 20-х – 30-х годов подскла основы многих национальных культур, для которых религия и базировавшиеся на ее фундаменте уклад и традиции были одним из значимых источников развития и консолидации. Еще одним ударом для них стало фактическое сворачивание политики «коренизации», дававшее в 20-е годы развивающимся национальным культурам конкурентное преимущество перед русской культурой. «Социалистическое содержание» становилось намного более важным, чем «национальная форма» культур. Декларируемым кредо национальной политики отныне

³ Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 года «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3845.htm.

⁴ Постановление СНК СССР от 28 апреля 1933 года № 861 «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории Союза ССР» // Справочная правовая система Консультант Плюс.

выступает призванный гомогенизировать общество «советский патриотизм», условием распространения и орудием которого являлись доминирование русской культуры и языка, «дружба народов», а позже – формирование единой социалистической общности «советский народ».

Case Казани наглядно демонстрирует, как в соответствии с этими трендами в начале 30-х годов столицы «титульных» республик все больше обретают типичные унифицированные черты советского «социалистического города» с грандиозными (чаще всего неосуществленными) проектами монументальных советских зданий – памятников коммунизма, с частично осуществленными в виде новых городских районов проектами построения «соцгородов», с типовыми пространствами «советского культурного отдыха». А выдвигавшиеся на первый план в 20-е годы «особость» и «инаковость» этих городов старательно нивелируются, как и сами опыты превращения прежних губернских центров в «столицы титульных наций». Правда, Казань все же сохранила формальный статус столицы национальной республики, хотя и утратила свою ранее активно декларируемую «пассионарную» роль «красного маяка» для «угнетенных восточных народов». В процессе унификации облика советских «социалистических городов» об акцентировании «национальных особенностей», столь старательно подчеркивавшихся в 20-е годы, было забыто. «Упиравшаяся» национальная политическая и культурная элита, в 20-е годы искренне и рьяно воспринявшая «приглашение» большевиков к развитию национальных культур и не осознавшая вовремя смену тренда в политике, пала жертвой политических репрессий. Стиранию национального облика способствовали и массовое уничтожение храмов – не только церквей и мечетей, но и синагог и костелов, и повсеместный отказ от прежних урбаномимов путем замены их новыми стандартизированными советскими маркерами городского пространства.

Источники

- Двенадцатый – Двенадцатый Съезд Российской Коммунистической партии (большевиков): Стенографический отчет. 17–25 апреля 1923 г. – М.: Красная новь, 1923. – VI, 705 с.
- Прот. – Протоколы Съездов и конференций Всесоюзной Коммунистической партии (б). Восьмой съезд РКП(б). 18–23 марта 1919 г. / Под. ред. Ем. Ярославского. – М.: Партийное изд-во, 1933. – 560 с.
- Перепись 1897 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1904. – Т. 14: Казанская губерния. – 284 с.
- Перепись 1926 – Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп Weekly. – № 901–902. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=426, свободный.
- Нас.Каз. – Население г. Казани 1863–1923. – Казань: Стат. упр. АТССР, 1923. – 74 с.
- ГАРТ1 – Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. Р-732: ТатЦИК Оп. 1. Д. 259. 84 л.; Д. 372. 110 л.; Д. 9. 172 л.; Д. 156. 69 л.; Д. 258. 106 л.
- ГАРТ2 – ГАРТ. Ф. Р-326: Казанский городской Совет. Оп. 1. Д. 356. 83 л.; Д. 357. 112 л.
- Алиф24 – Агеев Ф., Ибрагимов Г. Кызыл йолдыз. – М.: Татар-башкорт мэркэз бюросынын нэшере, 1924. – 80 б.
- Алиф26 – Алексеев И., Шэрэф Г. Яңа авыл. – Казан: Татгосиздат, 1926. – 120 б.

- Алиф27 – *Тимербулатов Т.* Совет мәктәбе. – М.: Нәшрият кооперативы, 1927. – 121 б.
- Рез.Докл. – О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР: Резолюция по докладу т. Кагановича Л.М., принятая пленумом ЦК ВКП(б) 15 июня 1931 г. – М.; Л.: Моск. рабочий, 1931. – 16 с.
- Генплан – Генеральный план реконструкции Москвы / Гл. ред. А.Л. Нарочницкий. – М.: Сов. энцикл., 1980. – С. 56–58.

Литература

1. *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939. – Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 2001. – 496 p.
2. *Bohn T.* “Sozialistische Stadt” versus “Europäische Stadt”. Urbanisierung und Ruralisierung im östlichen Europa // *Comparativ. Z. Globalgesch. vgl. Gesellschaftsforsch.* – 2008. – Bd. 18, H. 2. – S. 71–86.
3. *Stadelbauer J.* Die Nachfolgestaaten der Sowjetunion. Großraum zwischen Dauer und Wandel. – Darmstadt: Wiss. Buchges., 1996. – 660 S.
4. *Brower D.* The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900. – Berkeley: Univ. of Calif. Press, 1990. – 253 p.
5. *The City in Late Imperial Russia* / Ed. by M.F. Hamm. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1986. – 372 p.
6. Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Selbstverwaltung, Assoziierung und Geselligkeit in den Städten des ausgehenden Zarenreiches / Hrsg. G. Hausmann. – Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 2002. – 485 S.
7. *Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* Повседневная жизнь советского провинциального города: казус Казани. – Казань: Изд-во Казан ун-та, 2018. – 282 с.
8. *Меерович М.Г.* Рождение и смерть города-сада: Градостроительная политика в СССР. 1917–1926 гг. (От идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – 340 с.
9. *Савкин К.* Осколки утопий. Теория города-сада // *Современный дом.* – 2004. – № 2. – С. 26–31.
10. *Сальникова А.* Здесь будет город-сад! «Культивирование» советского городского провинциального пространства в 1920–1930-е гг. // *Ab Imperio.* – 2008. – № 4. – С. 151–190.
11. *DeHaan H.* Stalinist City Planning: Professionals, Performance, and Power. – Toronto: Univ. of Toronto Press, 2013. – 255 p.
12. Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. – М.: КомКнига, 2010. – 496 с.
13. *Казусь И.А.* Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 462 с.
14. *Султанбеков Б.Ф.* Письмо «обреченных» // *Султанбеков Б.Ф. Архивы и судьбы: статьи, очерки, рецензии.* – Казань: Гасыр, 2006. – С. 74–81.
15. *Остроумов В.П.* Казань: очерки по истории города и его архитектуры. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 295 с.
16. *Vauman Z.* Modernity and Holocaust. – Ithaca; N. Y.: Cornell Univ. Press, 2002. – 254 p.

Поступила в редакцию
10.03.2021

Бон Томас М., доктор философии, профессор восточноевропейской истории, профессор Института истории

Гиссенский университет им. Юстуса Либиха
ул. Отто Бехагеля, д. 10, г. Гиссен, D-35394, Германия
E-mail: *Thomas.Bohn@geschichte.uni-giessen.de*

Малышева Светлана Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *Svetlana.Malycheva@kpfu.ru*

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *Alla.Salnikova@kpfu.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2021, vol. 163, no. 3, pp. 226–240

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.226-240

**Difficulties of Soviet Urbanization and Construction
of the “Socialist City” in the Multicultural Periphery:
Kazan in the 1920s**

T.M. Bohn^{a*}, *S.Yu. Malysheva*^{b**}, *A.A. Salnikova*^{b***}

^a*Justus Liebig University Giessen, Giessen, D-35394 Germany*

^b*Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*

E-mail: **Thomas.Bohn@geschichte.uni-giessen.de*, ***Svetlana.Malycheva@kpfu.ru*,

****Alla.Salnikova@kpfu.ru*

Received March 10, 2021

Abstract

Based on the example of Kazan in the 1920s, the difficulties and problems of implementing the Soviet policy of urbanization and “socialist city” construction in cities with a nationally and religiously heterogeneous population are shown. This policy and the related processes of rural-urban migration, “indigenization”, “apartment redistribution”, and development of the urban outskirts at the expense of the former “bourgeois” center destroyed, deliberately and purposefully, the urban culture that had previously prevailed here and changed the social and national composition of the urban population. Therefore, they can be regarded as the tools of “positive discrimination”. The “positive discrimination” of the formerly dominant urban Russian culture in favor of the developing Tatar culture, mostly in its rural variant, manifested itself very clearly in education, namely in the content and design of the Soviet Tatar alphabet (alifba). However, the practice of granting preferences to the previously discriminated strata turned out to be short-term, tooled for the tasks of immediate strengthening of the social base of the Soviet power, and designed to destroy the former society and culture. These practices of dealing with multiculturalism became less popular by the late 1920s–early 1930s, as the Bolshevik power stabilized and “state-oriented” and unifying tendencies in the power policy increased.

Keywords: urbanization, multiculturalism, “socialist city”, “indigenization”, national policy, Kazan, Soviet Russia, 1920s

References

1. Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939*. Ithaca, London, Cornell Univ. Press, 2001. 496 p.
2. Bohn T. “Sozialistische Stadt” versus “Europäische Stadt”. Urbanisierung und Ruralisierung im östlichen Europa. *Comparativ. Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung*, 2008, Bd. 18, H. 2, S. 71–86. (In German)
3. Stadelbauer J. *Die Nachfolgestaaten der Sowjetunion. Großraum zwischen Dauer und Wandel*. Darmstadt, Wiss. Buchges., 1996. 660 S. (In German)
4. Brower D. *The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900*. Berkeley, Univ. of Calif. Press, 1990. 253 p.
5. *The City in Late Imperial Russia*. Hamm M.F. (Ed.). Bloomington, Indiana Univ. Press, 1986. 372 p.
6. *Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Selbstverwaltung, Assoziierung und Geselligkeit in den Städten des ausgehenden Zarenreiches*. Hausmann G. (Hrsg.). Göttingen, Vandenhoeck and Ruprecht, 2002. 485 S. (In German)
7. Malysheva S.Yu., Salnikova A.A. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo provintsial'nogo goroda: kazus Kazani* [Daily Life of a Soviet Country Town: A Casus of Kazan]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2018. 282 p. (In Russian)
8. Meerovich M.G. *Rozhdenie i smert' goroda-sada: Gradostroitel'naya politika v SSSR. 1917–1926 gg. (Ot idei poseleniya-sada k sovetskomu rabochemu poselku)* [The Birth and Death of a Garden City: The Urban Policy of the USSR. 1917–1926. (From the Idea of a Garden Settlement to the Soviet Industrial Township)]. Irkutsk, Izd. IrGTU, 2008. 340 p. (In Russian)
9. Savkin K. Fragments of utopias. The theory of a garden city. *Sovremennyyi Dom*, 2004, no. 2, pp. 26–31. (In Russian)
10. Salnikova A. Here will be a garden city! “Cultivating” the Soviet provincial urban space in the 1920–1930s. *Ab Imperio*, 2008, no. 4, pp. 151–190. (In Russian)
11. DeHaan H. *Stalinist City Planning: Professionals, Performance, and Power*. Toronto, Univ. of Toronto Press, 2013. 255 p.
12. *Arkhitektura stalinskoi epokhi: Opyt istoricheskogo osmysleniya* [Architecture of the Stalin Era: A Historical Reflection]. Kosenkova Yu.L. (Ed.). Moscow, KomKniga, 2010. 496 p. (In Russian)
13. Kazus' I.A. *Sovetskaya arkhitektura 1920-kh godov: organizatsiya proektirovaniya* [Soviet Architecture of the 1920s: Design Management]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2009. 462 p. (In Russian)
14. Sultanbekov B.F. A letter from the “doomed”. In: Sultanbekov B.F. *Arkhivy i sud'by: stat'i, ocherki, reitsenzii* [Archives and Fates: Papers, Essays, Reviews]. Kazan, Gasyr, 2006, pp. 74–81. (In Russian)
15. Ostroumov V.P. *Kazan': ocherki po istorii goroda i ego arkhitektury* [Kazan: Essays on the History of the City and Its Architecture]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1978. 295 p. (In Russian)
16. Bauman Z. *Modernity and Holocaust*. Ithaca, New York, Cornell Univ. Press, 2002. 254 p.

Для цитирования: Бон Т.М., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Трудности советской урбанизации и создания «социалистического города» на мультикультурной периферии: Казань 20-х годов XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 3. – С. 226–240. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.226-240.

For citation: Bohn T.M., Malysheva S. Yu., Salnikova A.A. Difficulties of Soviet urbanization and construction of the “socialist city” in the multicultural periphery: Kazan in the 1920s. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 3, pp. 226–240. doi: 10.26907/2541-7738.2021.3.226-240. (In Russian)